

А.В. Алиев

РАЗНООБРАЗИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье делается попытка взглянуть на общие, особенные и универсальные механизмы преобразования различных политических культур в условиях политической глобализации.

Политологическое исследование трансформации политической культуры в процессе глобализации имеют особое значение, так как трансформация различных политических культур в процессе политической глобализации может иметь неожиданные результаты. Политическая культура современного мирового общества в условиях складывающихся глобальных отношений диалектически содержит в себе элементы традиционной политической культуры каждого конкретного государства. Концепция "Политическая культура" исследуется в рамках различных наук. Надо отметить, что понятие политической культуры используется и в нынешней политической науке для того, чтобы понять, что же различает политические культуры различных стран. В данной статье сделана попытка освещения сущности политической культуры, а в частности проблемы её формирования в современном азербайджанском обществе. Статья также рассказывает о различных подходах в исследовании политической культуры в Азербайджане.

Ключевые слова: философия, политические культуры, политическая глобализация, общество, разнообразие политических культур, трансформации, традиционная политическая культура, ценности, цивилизация, европоцентризм.

Abstract. The article makes an attempt to look at the general, special and universal mechanisms of transformation of the different political cultures in the context of political globalization.

Political Studies transformation of political culture in the globalization process are of particular importance. Because the transformation of the different political cultures in the process of political globalization can have unexpected results. The political culture of the modern world in a society emerging global relations dialectic contains elements of traditional political culture of each particular state. The concept of "political culture" is investigated in the framework of the various sciences. It should be noted that the concept of political culture is used in the current political science to understand what distinguishes the political cultures of different countries. This article attempts to light the essence of political culture, and in particular the problems of its formation in modern Azerbaijani society. The article also talks about the different approaches in the study of political culture in Azerbaijan.

Keywords: philosophy, political cultures, political globalization, society, diversity of political cultures, transformation, traditional political culture, values, civilization, Eurocentrism.

Глобальное пространство как новая среда формирования политической культуры

В современном мире политическая культура является одним из наиболее важных показателей политической системы каждой страны. В глобализирующемся мире культура превращается в ведущий фактор в мировой политике. Политическая культура оказывает глубокое воздействие на политические процессы и институты, в результате традиционные формы политической жизни трансформируются и приобретают новое звучание.

Значимость политической культуры впервые была подчеркнута Алмондом и его последователями. Хотя надо заметить, что впервые понятие «политическая культура» было введено немецким философом И. Гердером. В работе «Идеи к философии истории человечества» он проанализировал вопросы взаимодействия культуры и политики, введя в научный оборот, кроме политической культуры и такие понятия, как «зрелость политической культуры», «носители политической культуры» [1]. Гердер также восхищался особой нравственной силой древнегреческой гражданской культуры.

Среди современных исследователей политической культуры можно выделить труды А.А. Галкина, К.С. Гаджиева, В. Пантина, А. Дука, А.С. Панарина, Н. Скока и др. [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 35]. Политическая культура, так или иначе, формирует понятийно-ценностный фундамент гражданского общества и государства, хотя бы тем, что в ее рамках происходит социализация и политическое формирование личности. Она включает базовые убеждения, установки, ориентации, символы, опрокинутые людьми в политическую систему. Об этом пишет в своей работе «Политическая наука» К.С. Гаджиев [2]. Кроме того, весь комплекс понятий, входящих в понятие политическая культура, позволяет сравнивать политические культуры различных стран, народов, цивилизаций. Надо также иметь в виду, что сравнительный анализ политических культур, выделив различия, позволяет вычленил и общее в различных культурах, что, несомненно, важно для объективного понимания процессов развития современного мира, современной культуры в целом.

В последние годы стало часто употребляться в политической литературе понятия политическая культура Франции, Англии, США или европейская политическая культура. Одновременно, употребляется и понятие атлантическая или западная политическая культура, которая выступает как некое обобщение особенностей, принадлежащих только западной Европе. Но все реже употребляется это понятие, а чаще европейская политическая культура, что связано с тем, что уменьшается значение различий между европейской и западноевропейской культурами. Расширение Европы, включение в ее ареал стран восточной Европы, в том числе и стран постсоветского пространства, свидетельствует об этом. Европейская политическая культура и политические системы возникли на почве общей культуры. Этот момент подтверждает способность политической культуры и культуры в целом распространяться вширь. Ведь западная политическая культура, демократическая политическая система, гражданская активность, сформировавшиеся в Англии и США, были восприняты во Франции и Германии, а затем распространились на все страны Европы, хотя и не лишили культуры этих стран в целом самобытности, своеобразия. Культура Франции и Германии и теперь наряду с общими корнями имеет и различия. В свою очередь на постсоветском пространстве можно использовать понятие политическая культура

постсоветского пространства, которая не исключает различий между конкретными государствами постсоветского пространства, но выделяет общее.

Исследование вопросов политической культуры в Азербайджане

Политическая система Азербайджанской Республики характерна отражением своих национальных особенностей и специфики исторической обстановки. В ее возникновении и деятельности играли и играют роль много различных факторов. На формирование деятельности политической системы важное влияние оказывают особенности политической культуры населения.

Структурное формирование политической системы Азербайджана в основном завершилось 12 ноября 1995-го года принятием новой Конституции страны. В соответствии с Конституцией Азербайджанское государство определяется как демократическая, правовая, светская, унитарная республика.

Хотелось бы подчеркнуть, что в азербайджанской политической и философской литературе понятие «политической культуры», в принципе, не исследовано, и даже в фундаментальном учебнике «Культурология» чаще используется понятие «культурная политика», «национальная культура» [9].

Следует понимать, что отсутствие конкретной информации по политической культуре Азербайджана или другой страны данного пространства продлевает жизнь в науке понятию политическая культура постсоветского пространства. Некоторые авторы используют понятие политическая культура Южного Кавказа или Кавказа. Но оно используется и для обозначения особенностей политической культуры в том или ином регионе отдельной страны, то есть речь идет о политической субкультуре региона в рамках политической культуры страны или о культуре отдельных слоев населения, например, политическая культура молодежи или пенсионного возраста. Этот момент важен для стран постсоветского пространства, где следует учитывать, что взрослое население страны жило в тоталитарном Советском Союзе, и обладает некоторыми особенностями политического поведения, отношения к политическим ценностям и т.п.

Использование понятие «культура» для объяснения тех или иных явлений изначально придает им сравнительный смысл. В каждой конкретной

стране различия в политической системе связаны с политической культурой страны. Заметим, что в азербайджанской теоретической литературе в качестве идентичного политической культуре в ряде работ использовалось понятие «политические нравы». Понятие «политические нравы» до конца не перекрывает понятие «политическая культура», так как оно не включает поведение отдельного гражданина, его выбор той или иной установки, ценностей и т.д. В то же время, когда речь идет о поведении различных групп азербайджанского общества, особенности идеологий, понятие политические нравы могут использоваться, как аналогичное политической культуре. Потребность в конкретной социологической информации ощущается всем исследователями гражданского общества в Азербайджане. На это указывают и Р. Гасанов, и И. Мамед-заде, А. Тагиев, С.А. Исмаилова и др. Отсутствие социологического измерения гражданского общества тормозит введение в политическую науку в Азербайджане понятия политическая культура [10; 11; 12; 13; 7; 8].

Вместе с тем, понятие политическая культура предполагает рассмотрение политической культуры страны в контексте мировом, так как предполагает сравнительное изучение политических культур. Исследуя вопрос, как ведет себя гражданин Азербайджана в той или иной политической ситуации, каково гражданское общество у нас, мы должны иметь информацию о том, каково гражданское общество в США, в России, в Грузии, в Турции, в Иране. С каждой из этих стран нас связывают некоторые особенности нашего политического развития, близость институтов, традиций и т.п. конечно, когда различия между странами велики, то трудно сравнивать политические культуры стран. Понятно, что политическая культура США весьма далека от культуры Азербайджана, но также трудно сравнивать политические культуры близких друг к другу стран. Так, к примеру, очень много работ о связях между Азербайджаном и Россией, Азербайджаном и Турцией, но нет работ, сравнивающих политические культуры этих стран. Во всяком случае, надо понимать, что США далеки от Азербайджана, но они воздействуют на политическую систему Азербайджана, транслируют свой опыт и глобализация у нас зачастую понимается как американизация. С другой стороны с Россией нас связывает часть общей истории, близость ценностных идеалов, если не всего населения, то большей ее части, близость образовательных систем и т.д. В период, когда все-

общее взаимопроникновение, интеграция проявляется особенно наглядно, то разработанность понятия политическая культура Азербайджана позволит сохранить определенную самостоятельность в выборе путей своего развития. Следует подчеркнуть важность традиции, заложенной общенациональным лидером Азербайджана Г. Алиевым, подчеркивания своей самобытности, она проявляется во всех сферах культуры, в том числе, в политической культуре [14].

Говоря о политической культуре современного азербайджанского общества, необходимо и очень важно сказать о политической культуре нашего общенационального лидера Гейдара Алиева. “Гейдар Алиев вошел в историю политической жизни XX в. не только как выдающийся политический и государственный деятель, но и как тонкий знаток человеческой психологии, умеющий нащупать слабые и сильные стороны собеседника, нередко превратить оппонентов или людей другой позиции в своих сторонников. Если говорить о политической культуре Гейдара Алиева как лидера, и о той политической культуре, которая формировалась за годы его правления суверенным Азербайджаном, то, несомненно, надо пользоваться понятием “синтез национального и общечеловеческого”, “синтез восточного и западного”. Он делал всё, чтобы в азербайджанском обществе формировалась политическая культура, основанная на национальных ценностях и вобравшая в себя все положительное, прогрессивное из политической культуры развитых стран Запада. Поэтому к политической культуре современного азербайджанского общества, в создании которой Гейдар Алиев сыграл определенную роль, необходимо подходить с другими мерками. А именно, в данном случае, важна способность различать единство западного и восточного, национального и общечеловеческого, исторического и современного” [11, с. 58].

«Неравномерность» воздействия процессов глобализации на политическую культуру

В политической культуре различных социальных групп, живущих в едином глобальном, национальном и государственном пространстве в различных условиях существуют определенные различия. В некоторых случаях эти различия не носят принципиального характера. Происходит интеграция различных культур в общую политическую культуру в качестве субкультуры.

В других случаях, субкультуры настолько различаются (и противоположны), что их можно рассматривать в отдельности как «контркультуру». Это означает, что в каждом обществе на определенном историческом этапе возможны сосуществование нескольких политических культур в качествах: общей политической культуры, субкультуры или контркультуры.

Данная мысль применима и к процессам политической глобализации.

Процессы глобализации, в том числе политической, не обошли стороной и сферу культуры, хотя не все их воспринимают однозначно. Многие считают, что эти процессы ведут к вырождению национальных культур, глобализация устанавливает господство массовой (шоу) культуры. Но нельзя не признать, что даже массовая культура, средства массовой информации сближают народы, превращая их в единое, но не лишенное различий целое (единство во множестве). Локальные культуры должны задуматься, как в этих условиях не потерять своей самобытности, но вместе с тем участвовать в процессах объединения мира. Надо признать, что информационные технологии меняют культуру, меняют понимание культуры. Однако мы считаем, что глобализация – это не только процессы в экономике, политике, но она должна быть связана и с переоценкой ценностей, утверждением универсальных ценностей, пересмотром всей гаммы взаимоотношений между универсальными и локальными ценностями. Следует признать, что принципы правового государства и дифференциации государства и общества стали неотъемлемой частью универсальных ценностей. Человек, мировое общество теперь меньше зависят от природы, а все больше от культуры, от технологической и политической культуры. Поэтому ответы на вызовы глобализации зависят от понимания особенностей универсальной мировой культуры. Кроме того, коль они определяют особенности развития современной эпохи, то для разрешения любых, в том числе и политических конфликтов, надо понять, какие методы их разрешения подходят для современной эпохи, не противоречат ее ценностным идеалам и стандартам, а какие представляют собой остатки отживших систем ценностей.

Глобализация создает конфликты между новой универсальной системой ценностей и старой, между новой политической культурой и старой. Те политические культуры, которые смогут сочетать требования и стандарты глобализации со своей

культурой, несомненно, получают преимущество. Те же политические культуры, которые не воспринимают особенностей глобальной культуры, ее ценностей становятся в непримиримую оппозицию к ней и вытесняются на обочину мировых политических и экономических процессов. В ряде случаев они обрекают себя на терроризм и насилие в борьбе с глобализацией, то есть отказываются от развития и взаимодействия с миром. Если глобализация составляет суть современной эпохи, то она, во-первых, несомненно, влияет на все локальные культуры и их политическое развитие, во-вторых, насилие, терроризм и сепаратизм как средства решения политических проблем превращаются в опасность не только для мировой политики, глобальной культуры, но и для локальной культуры, выбравшей эти средства.

Важно заметить, что А. Тойнби писал о различных моделях воздействия завоевателей и защиты слабой цивилизации [15; 16]. Анализ этих моделей позволяет понять, что в современных условиях они как стратегии изжиты, так как мир вступил в полосу позитивного взаимодействия, установились соответствующие ему и нормы международного права. Но с другой стороны понять эти стратегии необходимо, так как имеются политические силы и сознание, которые воспринимают только стратегии борьбы, завоевания и навязывания. Отметим, что так проходила колонизация не западного мира в XIX и XX вв. Однако, последствия такого воздействия более сильной европейской цивилизации, для не западных цивилизаций оказываются неоднозначными. Удачные модернизации Японии, Турции оказались хорошим примером. Последствия для других культур, воспользовавшихся технологическими достижениями Запада, оказались негативными. Технический соблазн Запада состоит в легкости заимствования потребительских стандартов.

Технологические заимствования в сфере потребления приводили к разрушению культурной инфраструктуры и не способствовали синтезу культур. Европейская культура и цивилизация состоит в балансировании между трудолюбием, индивидуальной активностью, самоограничением и потребительским гедонизмом. За многие века эта культура смогла приноровиться жить и преодолеть опасности абсолютного гедонизма. Некоторые исследователи считают, что ей помогла в этом конкуренция, рынок, демократия и этика. Нам представляется, что дело в том, что культура заложила основы гражданской политической куль-

туры, основы профессиональной морали, которые стали частью образа жизни и поведения. Мы считаем, что стратегии «Вызов-Ответ» (Тойнби) не проходили бесследно ни для слабой, ни для сильной цивилизации [17, с. 19-20]. Тойнби сам отмечал, что история греко-римской цивилизации дает убедительные аргументы в пользу этой гипотезы.

Эту мысль приводит и И. Мамед-заде в своей книге «Введение в этику» [13]. Он считает, что современность – это кризис идентичности. И сводить идентичность к борьбе за признание в гегелевском духе, то есть, навязывать всем остальным роль побежденную, будет неверно. Тем более, что Гегель писал также и о том, что «...конфликт между государствами и народами может быть символом (знаком) собственно человеческой и даже очеловечивающей борьбы, а именно: «борьбы за признание», из которой ее участники, в конце концов, выйдут в качестве относительно равных партнеров, имеющих взаимное понимание и уважение...» [цит. по: 13].

Синтез национальных и универсальных ценностей, политическая культура диалога – требование современности. Фундаментом этого требования оказываются новые технологии, которые превращают мир в единое целое, вовлекают всех во взаимодействие. Эта целостность не отменяет конкуренции, не отменяет того, что какая-то страна вырывается вперед, а какая-то не выдерживает конкуренции. Но прорыв становится возможным только тогда, когда политическая элита страны сочетает политическую культуру, национальные интересы и ценности с универсальными требованиями, которые во многом связаны с западными политико-правовыми стандартами.

Многие исследователи уже отмечают, что такие страны как Индия, Китай, достаточно поздно включившиеся в процесс глобализации, тем не менее, становятся локомотивами глобализационных процессов, но это стало возможным и потому, что они восприняли наряду с технологиями и стандарты европейской политической культуры. В результате этого ни китайская, ни индийская политическая культура не стали европейскими, но они вступили в диалог культур. Смысл политической культуры диалога в том, что господствует не та или иная культура, а правила ведения диалога, которые превращаются в основную ценность глобальной цивилизации. Естественно, что та цивилизация, которая понимает смысл требования времени, глобальных ценностей получает определенные

преимущества в экономике, политике, но и отстающие сохраняют потенциальную возможность понять смысл и требование времени. Идея культуры диалога принадлежит западной культуре, но сама западная цивилизация, пока что не восприняла эти идеи полностью. Идеи З. Бжезинского, изложенные в «Великой шахматной доске», С. Хантингтона в «Столкновении цивилизаций» показывают, что и на Западе многие воспринимают мир сквозь призму старых идей господства. Они зачастую глобализацию отождествляют с вестернизацией, ратуют за навязывание не-западным обществам экономических и политических моделей Запада.

Другие, напротив, полагают, что мы наблюдаем процесс возвращения к архаизму, оживление деструктивных процессов, ослабление объединительных тенденций. Такой видят современность российские учёные В. Пантин, А. Дугин. Глобализм для них оказывается лишь новым прикрытием старых как мир имперских интересов [18; 19]. Нам представляется, что национализм, если хочет сохраниться как стратегия развития нации, должен найти пути сосуществования с интегративностью, взаимодействием, диалогом, то есть с глобализацией, но также верно и то, что универсальные ценности также должны стремиться найти модус сосуществования с национализмом. Другое дело, что глобализация – это не только ценности, но и набор информационных технологий, способных объединить мир в единое целое и политика империализма, которая стремится подчинить себе национализмы, лишит страны государственного суверенитета. Мы не должны из-за некоторых негативов (опасность имперского диктата) этого процесса не принять сам процесс. Многие западные ученые критикуют империализм, политику диктата США. Они видят в вестернизации «культурный империализм» западного мира, который ведет не к глобализации культур, а бескультурью, господству материальных ценностей. Как отмечает С. Хамелиньк, «...из-за культурной синхронизации, не имеющей исторических прецедентов, впечатляющее разнообразие мировых культурных систем значительно уменьшается» [20, р. 3].

А. Шюкюров пишет о том, что глобализация и модернизация, опирающиеся на евроцентристское введение мира, вызывают опасность потери самобытности. Он также замечает, что глобализация в большинстве стран мира воспринимается, как распространение западной модели [17]. Поэтому, как нам представляется, ключевой проблемой се-

годня является интерпретация культурного разнообразия мира как органичной функциональной особенности процесса глобализации. Различные культуры могут установить диалог и принять гуманистические принципы диалога. В этом контексте представляет интерес подходы У. Ганнерса, Ш. Айзенштадта, и Р. Робертсона. Ганнерс пишет о глобальной ойкумене как едином и общечеловеческом регионе культурного взаимодействия, обмена информацией и интерпретации культур (перевода феноменом одной культуры на язык другой) [21; 22]. Ценностями этой единой ойкумены оказываются и растяжение науки, технологии в США, специфика культуры Японии, исламские Мекка и Кум, католический Ватикан и многое другое. В то же время по поводу отдельных ценностей глобальной ойкумены он выражает известное сомнение, к примеру, информационные технологии могут превратиться в момент духовных ценностей, но они могут и остаться в качестве материальных ценностей. Чтобы стать частью духовных ценностей, человечества должно реализовать их потенциал духовного общения в факт общения. Хотя, он же уверен в том, что, если разобраться, то тяготение к целому и механизмы их реализации в любом случае имеют духовно-ценностный смысл.

Ганнерс считает, что процесс глобализаций может развиваться по четырем сценариям. Наиболее предпочтительный сценарий он именуется как «созревание», или глобализация без вестернизации. В глобальной ойкумене происходят равноправный диалог и обмен информацией между центрами и перифериями. При этом каждый из центров, а их много, и каждая периферия участвует в нем по мере своего созревания. В диалоге культур происходит процесс «гибридизации», а потому все культуры в ойкумене оказываются сложными синтетическими образованиями, где переплетены локальные мотивы с транснациональными [21; 22].

В то же время некоторые мыслители, к примеру, З. Бжезинский попытались объяснить смысл процессов, с помощью которых господства империализма. По его мнению, речь идет, о том, что краха СССР осталась одна супердержава, мировая держава США, которая имеет право навязать свои интересы всему миру, пользуясь своим технологическим, военным и экономическим превосходством. Он пишет, что «Поражение и развал Советского Союза стали финальным аккордом в быстром вознесении на пьедестал державы Западного полушария – Соединенных Штатов – в каче-

стве единственной и действительной первой подлинно глобальной державы [23, с. 11].

Начиная от Ф. Фукуямы, его известного труда «Конец истории!» многие стали писать об однополярном мире, о новой империи под патронажем США. Одновременно, нельзя не заметить, что такие страны как Индия, Китай оказались не вовлечены в конфликты, а потому смогли воспользоваться преимуществами глобализации. Наоборот, трудное, но мирное воссоединение Гонконга с Китаем, налаживания взаимоотношений между Индией и Пакистаном показывают, что новые парадигмы лежат в сфере диалога. К примеру, объединения Гонконга с Китаем по схеме «Две системы, одно государство» демонстрирует политические возможности диалогичной парадигмы. Представляется интересным, что Хантингтон по этому поводу замечает, что «В 2020-ом году спустя столетия после своего высшего пункта Запад будет очевидно контролировать 24 % мировой территории, 10 % мирового населения и, возможно от 15 до 20 % социально мобильного населения мира, около 30 % мирового валового продукта (раньше около 70 %), возможно, 25 % промышленного производства и менее 10% численного состава глобальных вооруженных сил» [24]. Многие исследователи ныне утверждают, что крупнейшими державами станут Китай и Индия, и хотя процесс выравнивания происходит медленно, но неотвратимо. Пишут они и о том, что трансферт знаний и технологий сделает свое дело в этом процессе выравнивания.

С. Хантингтон предложил модель «столкновения цивилизаций», которая также не может выйти за рамки старой парадигмы. Цивилизационная культура разделяет народы значительно сильнее, чем «железный занавес» идеологий. Нам представляется, что этот вывод Хантингтона несколько искусственен. Культура (Хантингтон зачастую употребляет понятия культуры и цивилизации как синонимы) есть достаточно сложное понятие, исторически ее содержание не остается неизменно. Если ее связать с чем-то архаичным (кровь, почва), вечным и неизменным, то она, конечно, будет разделять народ. Но культура – это итог, объединяет народ. Однако, по его мнению, культурные ценности неразрывно связаны с этнической и конфессиональной идентичностью, а потому их сложно свести к компромиссу, что обуславливает неизбежность конфликтов между цивилизациями. Хантингтон пишет, что, «Мы переживаем конец прогрессивной эры, которая была охвачена западными идеологи-

ями, и вступаем в новую эру, в которой множество различных культур друг с другом сосуществуют, взаимодействуют и конкурируют» [24].

Кроме того, в различных цивилизациях и представлениях о едином мире, включающем себя в сложное взаимодействие различных культур, имеются моменты общности единой судьбы народов Земли. К примеру, есть общие ценности, которые высоко оцениваются в различных религиях. Известный индийский философ Дая Кришна отмечает, что «...если философия – область деятельности человеческого разума, она обязана демонстрировать некоторые сходные черты, наблюдаемые в разных культурах, и одновременно, как продукты деятельности человеческого разума, ей должна проявлять интерес к тому, что именно человек той или иной культуры считает общее благо для человечества в целом». Схожую мысль высказывает и А.С. Куа, который пишет, что могут существовать функциональные эквиваленты различных моральных понятий в различных культурах, а также замечает, что более глубокое изучение конвергенции человеческих интересов может конвертировать проблему культурного введения в общечеловеческую [25, р. 285].

Схожесть ценностей, по нашему мнению, наиболее очевидно видна по роли умеренности в различных культурах или иными словами в идее «золотой середины». Ее ценность давно приобрела значимость у философской и политической теории.

В мусульманской культуре высоко ценится умеренность как «срединность» между крайностями. На Западе, по крайней мере с Нового времени, установилось понимание, что справедливость достигается во взаимоотношениях между людьми (договорная справедливость), она связана с судом, законом. В арабоязычной философии и культуре справедливость не устанавливается, а восстанавливается, как утраченное равновесие или гармония. Многие азербайджанские специалисты подчеркивают, что восточные перипатетики связывают справедливость с совершенством, которые взаимообусловленные и не могут существовать изолированно друг от друга [26].

Несмотря на эти различия, в трактовке основных ценностных понятий, можно прийти к выводу, что к концу XX в. во всех этих цивилизациях начался процесс мощнейших изменений. Немало работ, в которых анализируется этот процесс. К примеру, Т. Ишида исследовал вопрос восприятия японцами и китайцами ценностей западной культуры и пришел к выводу, что такие основные понятия запад-

ной культуры, как свобода, права человека в начале были им изначально чуждыми. В прошлом у них не было даже иероглифа «свобода» [27]. Как указывает Ишида, ныне Китай и Япония демонстрируют образцы сочетания в своей культуры и нравственности с Западом культуры. Новые исследователи говорят о феномене японского индивидуализма, который отличается от западного, но тем не менее является индивидуализмом.

Мы знаем, что многие западные мыслители и политики считают, что мусульманская культура не способна интегрироваться в современный мир, принять ее образцы. Однако, многие исламоведы исходят из того, что мусульманская культура уже показала свою способность к синтезу инокультурных влияний. Одновременно, многие специалисты утверждают, что на Западе развивается буквально параноя по поводу угроз со стороны Ислама христианской цивилизации [28; 29]. Однако нам представляется, что экстремизм и радикализм не имеют нечего общего с мусульманской культурой, которая, как и любая подлинная культура, способна к саморазвитию, принятию новых образцов поведения и культуры, не теряя своей самобытности. Не совсем точно будет приписывать Исламу и отрицания человеческой активности, свободы и преувеличивать роль покорности. В Исламе идея божественного предопределения несколько не исключает, что человек может преследовать свое благо, выполняя еще и волю Аллаха. В одном из хадисов говорится, что «если кто-то из вас увидит нечто неугодное Аллаху, то пусть исправит это собственными руками; если же он не способен так сделать, то пусть исправит языком; если же и это не может, тогда сердцем, и эта самая слабая вера» [29].

Надо признать и нацеленность Корана на универсализм, которая в принципе работает на синтез культур, «гибридизацию». Немало сур в Коране посвящено идеям единства и гармонии Бога с миром, единству всех человеческих сообществ и т.п. Конечно, в Коране, как и в других божественных книгах, встречаются неоднозначные требования, которые еще ждут своей расшифровки, но это не повод отказывать вере и мусульманской культуре в гуманизме, в нацеленности на универсализм и взаимодействие с другими культурами.

Резюмируя опыт изменений культуры и морали мусульманских стран, следует заметить, что вариативность, толерантность, выдержка, коллективный индивидуализм, является частью этой культуры, хотя не следует отрицать и определен-

ную двойственность этой культуры, как и любой другой. Универсальные принципы в ней по-своему пробивают себе дорогу. Надо так же признать, что традиционализм, сохранения родоплеменного сознания, элементы патернализма, несомненно затрудняют этот путь.

Если мы обратим внимание на Азербайджан, то заметим, что в стране стремительно идет процесс овладения мировой культурой, включения в общие экономические, культурные и политические процессы. Становится общепринятым, что включение в общемировые культурные, научные, нравственные процессы есть требование времени.

Тот факт, что в последние годы проигрывавшие на выборах оппозиционные кандидаты в президенты поздравили с победой кандидата

правлящей партии, можно оценивать как факт формирующейся новой политической культуры, место для которой давно уже назрело в обществе. В политике важна политкорректность и умение цивилизованно вести конкурентную борьбу.

Несмотря на то, что цивилизации и страны многое разделяет, тем не менее, каждая цивилизация в целом стремится к диалогу, так как у них начинают преобладать гетерогенные начала, и именно они становятся источником динамики цивилизаций и возможного движения к принятию общих ценностей, в том числе и ценностей политической культуры, не исключающих культурных различий. Внутреннее разнообразие оказывается залогом повышенной жизнестойкости – способности адаптироваться к изменениям среды.

Список литературы:

1. Гердер И.В. Идеи к философии истории человечества / Отв. ред. А.В. Гулыга. М.: Наука, 1977. 703 с.
2. Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1995.
3. Гаджиев К. Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. 1991. № 6.
4. Политическая культура: теория и национальные модели / Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., 1994.
5. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? М., 2003. С. 237-238.
6. Дука А.В. Политическая культура: проблемы генезиса и принципы типологии: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 1995.
7. Hamelink C. Cultural Autonomy in Global Communications. New York: Logman, 1983.
8. Hanners U. Notes on Global Ecumene // Public Culture. 1989. № 1. P. 65-75.
9. Мамедов Ф. Культурология. Баку, 2002. С. 7-14.
10. Гасанов Р. Формирование гражданского общества в условиях трансформации. Баку: «Kitab aləmi», 2003.
11. Исмаилова С.А. Лидерство и формирование политической культуры в современном Азербайджане // Молодой ученый. 2011. № 3. Т. 2. С. 84-88.
12. Мамед-заде И. Политика и мораль. Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1988. 198 с.
13. Мамед-заде И. Введение в этику. Баку: Муаллим, 2004.
14. Алиев Гейдар. Путь независимости: избранные мысли. Баку: Изд-во Азербайджанского Университета, 1997. 136 с.
15. Тойнби А., Икада Д. Человек должен выбрать сам. М., 1999.
16. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.
17. Şükürov A. Fəlsəfə və qloballaşma. Bakı: Adiloğlu, 2002.
18. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
19. Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическая модернизация России: циклы, особенности, закономерности. М., 2007. С. 112-115.
20. Hamelink C. Cultural Autonomy in Global Communications. New York: Logman, 1983.
21. Hanners U. Notes on Global Ecumene // Public Culture. 1989. № 1. P. 65-75.
22. Hanners U. Scenarios for Peripheral Cultures. Bringhamton, 1989. 46 p.
23. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998.
24. Huntington S. The Clash of Civilisation and Remarking of World Order. New York, 1996. 135 p.
25. Cua A/S Reflection on Moral Theory and Understanding Moral Tradition // Interpreting Across Boundaries. New Essays in Comparative Philosophy. Ed by G.J. Larson and E. Deutsch. Princeton: Princeton University Press, 1988.
26. Геюшева З.З. Этические взгляды восточных мыслителей. Баку, 1982. С. 69-82.
27. İshida T. Japanese Political Culture: Change and Continuity. London, 1983.
28. Грюнебаум Г. фон. Классический ислам. М., 1988.
29. Дискуссия вокруг цивилизационной модели // ПОЛИС. 1994. № 1.
30. Буров В. Модернизация тайванского общества. М.: ИФ РАН, 1998.
31. Всемирное писание. Сравнительная онтология священных текстов. М.: Республика, 1995.
32. Данилов В.И. Турция восьмидесятых: «От военного режима до ограниченной демократии». М.: Наука, 1991.
33. Наджафов Э.А. Цивилизационный подход к исследованию международной политики. С. Хантингтона // Социал Билимлер. 2002. № 1. С. 24-43.
34. Скок Н.В. Национальные модели политической культуры: пособие. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. 232 с.

35. Daya Krishna Comparative Philosophy: What it is Ought to be // Interpreting Across Boundaries. 1988.
36. Hamelink C. Cultural Autonomy in Global Communications. New York: Logman, 1983.
37. Гезалов А.А. Проявление социокультурных противоречий в нелинейном глобализирующемся мире и пути их преодоления // Философия и культура. 2012. № 2. С. 71-79.
38. Гуревич П.С. Глобализация и мультикультурализм // Философия и культура. 2012. № 8. С. 4-5.

References (transliteration):

1. Gerder I.V. Idei k filosofii istorii chelovechestva / Otv. red. A.V. Gulyga. M.: Nauka, 1977. 703 s.
2. Gadzhiev K.S. Politicheskaya nauka. M., 1995.
3. Gadzhiev K. Politicheskaya kul'tura: kontseptual'nyi aspekt // Polis. 1991. № 6.
4. Politicheskaya kul'tura: teoriya i natsional'nye modeli / Otv. red. K.S. Gadzhiev. M., 1994.
5. Galkin A.A., Krasin Yu.A. Rossiya: Quo vadis? M., 2003. S. 237-238.
6. Duka A.V. Politicheskaya kul'tura: problemy genezisa i printsipy tipologii: Diss. ... kand. polit. nauk. SPb., 1995.
7. Hamelink C. Cultural Autonomy in Global Communications. New York: Logman, 1983.
8. Hanners U. Notes on Global Ecumene // Public Culture. 1989. № 1. P. 65-75.
9. Mamedov F. Kul'turologiya. Baku, 2002. S. 7-14.
10. Gasanov R. Formirovanie grazhdanskogo obshchestva v usloviyakh transformatsii. Baku: «Kitab aləmi», 2003.
11. Ismailova S.A. Liderstvo i formirovanie politicheskoi kul'tury v sovremennom Azerbaidzhane // Molodoi uchenyi. 2011. № 3. T. 2. S. 84-88.
12. Mamed-zade I. Politika i moral'. Baku: Azerbaidzhanskoe gos. izd-vo, 1988. 198 s.
13. Mamed-zade I. Vvedenie v etiku. Baku: Muallim, 2004.
14. Aliev Geidar. Put' nezavisimosti: izbrannye mysli. Baku: Izd-vo Azerbaidzhanskogo Universiteta, 1997. 136 s.
15. Toinbi A., Ikada D. Chelovek dolzhen vybrat' sam. M., 1999.
16. Toinbi A. Postizhenie istorii. M., 1991.
17. Şükürov A. Fəlsəfə və qloballaşma. Bakı: Adiloğlu, 2002.
18. Dugin A. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii. M., 1997.
19. Pantin V.I., Lapkin V.V. Politicheskaya modernizatsiya Rossii: tsikly, osobennosti, zakonomernosti. M., 2007. S. 112-115.
20. Hamelink C. Cultural Autonomy in Global Communications. New York: Logman, 1983.
21. Hanners U. Notes on Global Ecumene // Public Culture. 1989. № 1. P. 65-75.
22. Hanners U. Scenarios for Peripheral Cultures. Bringhamton, 1989. 46 p.
23. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska. M., 1998.
24. Huntington S. The Clash of Civilisation and Remarking of World Order. New York, 1996. 135 p.
25. Cua A/S Reflection on Moral Theory and Understanding Moral Tradition // Interpreting Across Boundaries. New Essays in Comparative Philosophy. Ed by G.J. Larson and E. Deutsch. Princeton: Princeton University Press, 1988.
26. Geyusheva Z.Z. Eticheskie vzglyady vostochnykh myslitelei. Baku, 1982. S. 69-82.
27. İshida T. Japanese Political Culture: Change and Continuity. London, 1983.
28. Gryunebaum G. fon. Klassicheskii islam. M., 1988.
29. Diskussiya vokrug tsivilizatsionnoi modeli // POLIS. 1994. № 1.
30. Burov V. Modernizatsiya taivanskogo obshchestva. M.: IF RAN, 1998.
31. Vsemirnoe pisanie. Sravnitel'naya ontologiya svyashchennykh tekstov. M.: Respublika, 1995.
32. Danilov V.I. Turtsiya vos'midesyatykh: «Ot voennogo rezhima do ogranichennoi demokratsii». M.: Nauka, 1991.
33. Nadzhafov E.A. Tsivilizatsionnyi podkhod k issledovaniyu mezhdunarodnoi politiki. S. Khantingtona // Sosial Bilimler. 2002. № 1. S. 24-43.
34. Skok N.V. Natsional'nye modeli politicheskoi kul'tury: posobie. Mogilev: MGU im. A.A. Kuleshova, 2001. 232 s.
35. Daya Krishna Comparative Philosophy: What it is Ought to be // Interpreting Across Boundaries. 1988.
36. Hamelink C. Cultural Autonomy in Global Communications. New York: Logman, 1983.
37. Gezalov A.A. Proyavlenie sotsiokul'turnykh protivorechii v nelineinom globaliziruyushchemsya mire i puti ikh preodoleniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 2. S. 71-79.
38. Gurevich P.S. Globalizatsiya i mul'tikul'turalizm // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 8. S. 4-5.